

* * *

Здесь небо плачет о своей вине,
и души нераскаянные бродят,
листву хоронит осень в желтизне,
и солнце остывающее бредит.

Но я всегда наперекор жила
инстинкта необъявленную сутью.
Плавник мой плод утратил и крыла,
когда ещё не трепетал под грудью.

Комочек нарастающей мечты,
в ком жизни беззастенчивая сила
свечение небесной высоты
с приливной волной соединила.

* * *

Партер битком, кулисы разошлись –
изображай, паяц, в пределах сметы,
единственную собственную жизнь
тащи на сцену под аплодисменты.

Душа твоя хотя и хороша,
ей только вера точкою опоры:
пока слаба – не стоит ни гроша,
подкована – передвигает горы...

Тут все свои полны чужих словес,
чужие роли каждому швырнули.
В чей населённый призраками лес
спроста мы ненадолго заглянули?

* * *

Былому я не поменяю имя,
всеобщей боли сердцем не уйму.
Инстинкт владеет мышцами моими,
страстям повелевая – не уму.

И мается безумная душа,
космической пылью запорошена,
считая, сколько замыслов непрошено
погибли, ничего не соверша...

Я знаю: нас таких не перечеть,
объяввших жизнь бессильными крылами.
Но есть во мне желание, и есть
горячее трепещущее пламя.

Разбавьте им полуночный уют –
пускай горчит вино самообмана,
что я не опоздала, просто рано,
и до рассвета – несколько минут!